

АНАТОМИЯ ФИЛОСОФИИ. РЕПЛИКИ

**Киселева
Марина**

Сергеева —
доктор философских
наук, профессор, ру-
ководитель сектора
методологии меж-
дисциплинарных
исследований чело-
века Института фи-
лософии РАН.

Электронная почта:
markiseleva
@gmail.com

**Киященко
Лариса**

Павловна —
доктор философских
наук, ведущий науч-
ный сотрудник сек-
тора междисципли-
нарных проблем на-
учно-технического
развития Института
философии РАН.

Электронная почта:
Larisakiyashchenko
@gmail.com

¹ Проективность —
чрезвычайно широкое
и размытое понятие,
использующееся
в дискурсах самых
различных направле-
ний — от современ-
ных версий теологии
до постмодернист-
ских концепций. Раз-
брос смыслов этого
слова в зависимости
от контекста чрезвы-
чайно широк. Так,
С.С. Соковников
в статье "Проектив-

ЧЕЛОВЕК В МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

DOI: 10.31857/S023620070000824-3

Участники: М.С.Киселева © 2018, Л.П.Киященко © 2018.

Л. Киященко: Наш сегодняшний диалог в цикле философских бесед “Реплики” хотелось бы как раз и начать с нескольких предваряющих реплик. Прежде всего, проект “Анатомия философии: как работает текст”, к которому относится наш цикл, уже по смыслу своего названия принадлежит весьма специфическому подпространству знания, формирующемуся сегодня на пересечении гуманитарных наук. Ландшафт гуманитарного знания в последнее время все плотнее покрывается междисциплинарной проективностью¹. В этом можно увидеть не только ответ на запросы общества, но и реализацию внутренних тенденций самого гуманитарного знания в его отношениях с естествознанием, техническими науками, информационными и биологическими технологиями. И очевидно, что человек как явная и неявная забота гуманитарного знания и гуманитарных исследований концентрирует в себе самые разнообразные феноменальные и ноуменальные смыслы, составляющие и основу уже упомянутой проективности, и цель всякой проективной деятельности. Именно человек центрирует на себе все разнообразие дисциплинарных исследований и междисциплинарных стратегий, направленных на поиск, выявление, интерпретацию этих смыслов.

Вместе с тем в обществе нарастает потребность в гуманитарном знании, пригодном для экспертного сопровождения ожидаемых научных и технологических результатов и помогающем отвечать на современные вызовы (которые, заметим, сам же человек и инициирует через разнообразные социальные и технические институты и социогуманитарные практики и технологии).

Гуманитарное знание, выступающее “ферментом” междисциплинарного взаимодействия гуманитарных наук, несет в себе, таким образом, еще один основополагающий момент, выходящий уже за пределы этого знания в узком смысле слова — в сфе-

ру гуманитаристики². Объект этой последней — практика самоопределения человека. Это некое деятельностное пространство субъективности, задающее личностный подход субъекта к освоению его жизненного мира в том смысле, который открывается в поиске ответа на вопрос “Кто есть Я?” и в утверждении получаемого ответа по знаменитой формуле М. Лютера: “На том стою, и не могу иначе”. Очевидно, что понимаемая таким образом гуманитаристика “обустраивает” себя на основаниях диалогичности, как раз и положенной в основу проекта “Анатомия философии”, системности и обязательности/возможности этико-герменевтического “толкования вглубь” [4]. Подобное толкование дает возможность обнаружить логику индивидуации и познания индивидуальности (уникальности), что составляет отличительную черту философии культуры [10, 11]. А сегодня оно смыкается с современной философией науки, и это взаимопересечение в междисциплинарном пространстве обрамляет едва ли не все существующие подходы к пониманию деятельностного начала человека. Это формирующееся пространство вбирает в себя современные тенденции интеграции естественнонаучного и гуманитарного знания и выходит дальше — в пространство, ориентированное на философскую рефлексию.

И еще одно замечание. Все сказанное выше тесно связано с пробивающим себе путь в научном сообществе понятием трансдисциплинарности. Наш сегодняшний диалог с Мариной Сергеевной на эти темы и начался в марте 2016 года на семинаре “Человек в современном научном знании: методологические проблемы междисциплинарности”, организованном Сектором методологии междисциплинарных исследований человека Института философии РАН. Поводом для него стал выход в свет в конце 2015 года коллективной монографии [20]. Участники семинара “подавали реплики” по поводу затронувших их статей, высказываний, идей, формируя меж- и трансдисциплинарный “диалог-текст” (см.: [17]). И этот текст имеет самое прямое отношение и к внутренней сути проекта “Анатомия философии” и наших “Реплик” как его части, и к обсуждаемой нами сегодня проблеме.

Трансдисциплинарность — сложно организованный феномен практической философии. Чтобы его разглядеть, необходимо выйти за границы дисциплинарно организованного знания, в том числе мульти- и междисциплинарных взаимодействий — в опыт преодоления пределов, поиска того, что находится «по ту сторону “здесь и теперь”», взглянуть со стороны на ситуацию в целом, в том числе и на самого себя в данной ситуации. В трансдисциплинарном исследовании важна коммуникативная составляющая, в которой, по удачному определению В.И. Аршинова, человек, «сохраняя свою идентичность Я, расширяет свое сознание времени в качестве наблюдателя-участника, чьи границы становятся гибкими, подвижными и зависят от того, в каком “Теперь” устанавливается фрактальный контур интер-

ность в социокультурных практиках: опыт культурологического очерка” в журнале “Вестник культуры и искусств”

(<https://cyberleninka.ru/article/n/proektivnost-v-sotsiokulturnykh-praktikah-opyt-kulturno-ologicheskogo-ocherka>) приводит несколько наиболее распространенных его пониманий: способность субъекта к формированию образа объекта, временно отнесенного в предстоящее; ситуация переноса текста на дистанцированный от него “экран”; характеристика включенности в различного рода проективные ситуации; отражение текста в иных явлениях, временно синхронных ему; способность к полаганию, моделированию, то есть к проективной деятельности; провокативность, то есть способность проективной модели стимулировать различные проявления социокультурной активности; репроекция, то есть обращение к прошлому с позиций толкования современных тестов как закономерных последствий прошлого или самого прошлого через призму современных текстов, и т. д. Общим для всех этих толкований, по мнению того же автора, является “проброшенность” человеческой экзистенции вовне, в иное, в предстоящее.

² В данном контексте гуманитарное знание мыслится как пространство и совокупный результат авторефлексии социума, осуществляемой в рамках гуманитарных наук. При этом, как отмечают неко-

АНАТОМИЯ ФИЛОСОФИИ. РЕПЛИКИ

торые авторы, область гуманитарного знания не ограничивается традиционными гуманитарными дисциплинами и включает весь спектр знаний о человеке, в том числе знания медицинские, юридические и пр. Что же касается гуманитаристики, это слово здесь употребляется не в расхожем значении совокупности гуманитарных наук (употребление, заметим, весьма некорректное и граничащее с просторечием), а как обозначение особого подхода, особой практики освоения и использования результатов гуманитарных наук и гуманитарного знания. Материалом и продуктом понимаемой таким образом гуманитаристики как раз и выступают разного рода тексты, вербальные и невербальные. При таком понимании гуманитаристики гуманитарные науки и гуманитарное знание можно рассматривать как ее составляющие, к которым, однако, она не сводится.

фейса между наблюдателем-участником и “остальным миром”» [1]. Трансдисциплинарность ведет свою родословную от синергетики и, двигаясь по пути постнеклассической науки, приучает нас жить в изменяющемся мире, не потеряться в нем и удерживать связь с трансцендентным смыслом, который больше, чем простое “да” или “нет”. “Наше видение природы претерпевает радикальные изменения в сторону множественности, темпоральности и сложности. Долгое время в западной науке доминировала механистическая картина мироздания, ныне мы создаем, что живем в плюралистическом мире” [16]. Сложность в трансдисциплинарном ее понимании, как и в понимании синергетики,— это не сложенность. Для ее описания есть свои метафоры: фрактальность, голографичность, синергичность. Ее суть— бесконечный процесс самопорождения, саморепликации, самоорганизации. Бесконечный в оба конца. Опыт трансдисциплинарности, проходя по кромке “двух культур”, совмещает дисциплинарную и культурно-герменевтическую системы координат, которые В.А. Конев исключительно удачно обозначил как “декартова” и “дантова” [10]. В таком варианте и традиционное толкование рефлексии, противоположностей, парадоксов и самой диалектики наполняется иным содержанием. “Диалектика — это мысль не о взаимообратимом действии, о единстве противоположностей и их преодолении, о развитии, которое само себя приводит в движение, не переход количественных изменений в качественные. Всё это — лишь следствия или отдельные аспекты диалектики... Они проясняются, если брать их внутри нашего опыта, в связке: субъект — бытие — другие субъекты” [13]. Намеченный М. Мерло-Понти хронотоп размещается в точке фокуса, схождения сложноорганизованного опыта трансдисциплинарности, который порождает возможный исход непредсказуемого эмерджентного эффекта в повседневных и научных практиках [9]. Пространство живого (трансдисциплинарного) опыта возникает “между” его гетерогенными парадоксальными составляющими, которые заново, спонтанно переоткрывают что-то ранее известное (но известное “не так”) или упущенное. В этом смысле трансдисциплинарная философия подтверждает утверждение Мерло-Понти: «Философия существует всюду, даже в “фактах” — но у нее нет такой среды, где она не была бы заражена жизнью» [12].

Основания философии трансдисциплинарности амбивалентны: вопрос, лежащий в ее основе, допускает эмпирическую разработку, но при этом имеет универсальный смысл [19]. В их обоснование входят противоречащие друг другу утверждения, так что целостность трансдисциплинарного философствования всякий раз ставится под вопрос. Значит ли это, что философия трансдисциплинарности — не философия? Скорее всего, нет. “Примеры такой вовлеченности философии, — замечает Хабермас, — я наблюдаю всюду, где философы вместе со всеми участвуют в разработке теории рациональности, не выдвигая фунда-

менталистских или же всеобъемлющих абсолютистских притязаний. Скорее, они работают в нетвердой надежде, что только благодаря удачному сочетанию различных теоретических фрагментов удастся достичь того, что философия некогда рассчитывала добиться в одиночку” [18]. В этом высказывании Хатбермаса и в его книге, на которую мы ссылались выше, звучит рефреном важная для нашего рассуждения мысль: в рассматриваемых обстоятельствах философское мышление, не отказавшееся от решения проблемы рациональности, оказалось лицом к лицу с “двойкой потребностью в опосредовании”.

Философ не только и не просто наблюдатель, но и активный “интерпретатор-посредник”, переводчик, опосредующий общение между миром повседневности и сферами науки, морали и искусства, которые без его помощи остаются заключенными в оболочку экспертных культур. Хронотоп подобных событий динамичен и в своей динамике имеет, можно сказать, повторимо-неповторимый язык, который возникает каждый раз как экспромт и оперирует косвенными контекстуальными указаниями-приметами, а не утвердительно-безапелляционными однозначными утверждениями, моделирующими нормативную заданность желательных (оптимальных) состояний объекта. Возникает своего рода разрыв между нормативным дисциплинарным предписанием и дескриптивным описанием ожидаемого развития событий. Задача их сопряжения может быть решена через ситуационное введение (эмерджентное появление) порядка в неустойчивости и становлении. Основой для такого введения может служить аттестация причастного субъекта и доверие к нему других акторов; ситуативное согласие, возникшее уже через коммуникативную рефлекссию (трансфлексию). Формирование критериев отбора и выбора из альтернативных, в различной степени оптимальных, решений принимающих сторон происходит каждый раз на личностном и коллективном уровне. При этом неизбежно встает вопрос о соответствии предлагаемых теоретических построений конкретной ситуации и об ответственности в ближайшем и отдаленном будущем за их применение в жизни общества и в личной судьбе каждого ее участника, в живой практической деятельности.

Проблематика трансдисциплинарности ориентирована на будущее, которое начинается сегодня, начинается с осознанной философской позиции, позволяющей обосновать принимаемые решения. Такая позиция предлагает свой ответ на актуальный

Л.П. Киященко

как всегда, вопрос, зачем нужна философия, какой ее практический смысл. Опыт трансдисциплинарности в решении проблем жизненного мира постоянно заставляет мысль обращаться к своим основаниям в реальном режиме времени, сочетая априорное и апостериорное. “Аксиоматика” трансдисциплинарности строится с учетом рекурсивной рефлексии (трансфлексии) над дисциплинарными границами научного знания с точки зрения целей и ценностей фактической целостности способа существования человека в современной культуре. Трансдисциплинарность ведет к гуманитаризации научного мышления, что, в свою очередь, возвращает нас к традиционной философской проблеме — проблеме соотношения всеобщего—особенного—частного в решении экзистенциальных проблем нашего времени.

Закончить хочется словами Бахтина. Оказалось, что мы с Мариной Сергеевной не сговариваясь выбрали их как ключ к нашему диалогу. Бахтин завершает свое размышление о гуманитарных науках так: “Гуманитарное знание на уровне сознания человека формирует его отношение к миру, позволяет по-новому взглянуть на него и на самого себя. Проблема самоопределения — важнейшая гуманитарная проблема для человека в числе других проблем, потому что способ самоопределения организует всю жизнь, и вообще самоопределение — условие для того, чтобы человек состоялся” [2. С. 285].

М. Киселева: Моя позиция несколько старомодна: к гуманитарным наукам я отношу философию, историю и филологию, что совсем не отрицает для меня меж/трансдисциплинарности как тренда современной науки, а, наоборот, делает меня сторонником такого взгляда. Реальность такова, что “общественный интерес” к гуманитарным наукам сегодня явно слабеет, они все меньше поддерживаются бюджетным финансированием, все больше вытесняются в сферы, близкие к социальным практикам, к властным идеологиям, управленческим интересам, теряют место в сфере образования и т.д.

Вернусь к началу только что звучавшей цитаты из М.М. Бахтина: “Гуманитарные науки — науки о человеке в его специфике, а не о безгласной вещи и естественном явлении. Человек в его человеческой специфике всегда выражает себя (говорит), то есть создает текст (хотя бы и потенциальный). Там, где человек изучается вне текста и независимо от него, это уже не гуманитарные науки...” [там же]. Представление о текстовой основе специфики человека вполне актуально, однако требует уточнения. Текст является как маркером, так и предметом гуманитарных исследований. Однако для гуманитарных наук интерес представляют не всякие тексты, а те, в которых изучается именно *выражающий себя человек*. Не партии, не группы, не государственные интересы, а человек, связанный самыми разными социальными, культурными, национальными, языковыми и т.д. и т.п. отношениями и создающий смыслы своей жизни, — вот предмет интереса гуманитария.

Современный исследователь фольклора С.Ю. Неклюдов подчеркивает еще одну важную особенность гуманитарных наук: “Когда я говорю о гуманитарных науках, я говорю, по преимуществу, об истории, литературе, философии, до некоторой степени о языкознании, этнографии и о целом ряде других дисциплин. Сколько я себя помню, в нашем обществе существует устойчивое мнение, что науками эти дисциплины не являются, — прежде всего потому, что они не перспективны, а ретроспективны, повернуты вспять, не включают в себя эксперимента и ничего не прогнозируют, изучая лишь то, что уже миновало, или то, что есть сегодня” [14]. От этой “повернутости” в ретроспекцию гуманитарные науки не могут отказаться и сегодня. Именно этот поворот глубоко занимает и меня.

Но что он означает сегодня? Что гуманитарные дисциплины нуждаются в междисциплинарности как проективным подходе, когда проблема стягивает разные научные области и методы, чтобы выстроить новое знание, центральным интересом которого остается человек. Но междисциплинарность в гуманитарном поле весьма специфична, и эта специфика воспринимается далеко не всем научным сообществом. Стоит вспомнить, что гуманитарные науки дисциплинарно состоялись лишь в XIX веке, а дискуссии о том, является ли наукой философия, не стихают до сих пор. Вот недавний пример.

В июне 2017 года в Москве в Свято-Тихоновском университете была защищена диссертация на соискание степени кандидата философских наук по новой специальности “теология”. В Ученый совет посыпались отрицательные отзывы от биологов, утверждавших, что диссертация не отвечает критериям научности [15]. Приведу и прокомментирую три выдвигавшихся аргумента.

1. “Главное, чему мы учим студентов и аспирантов в наших научных лабораториях, — это не принимать на веру никакие непроверенные, непроверяемые и необоснованные предположения”. С этим трудно не согласиться. Но что такое проверка и обоснование предположений в гуманитарной науке, когда вместо лабораторий, экспериментов и тому подобного мы имеем дело с текстами; когда новый документ, извлеченный из архива, может добавить новые знания или полностью дезавуировать те, которые до этого научное сообщество считало абсолютно обоснованными? Здесь нет одного и единого для всего научного исторического сообщества ответа, а есть направления, школы, дискуссии, полемика.

2. “...Мы учим тому, что в науке не существует абсолютных авторитетов и данных, полученных путем озарения и открове-

М.С. Киселева

ния...”. С этим ученые-гуманитарии согласятся. Но что делать, если изучается интеллектуальная история Средневековья, где Бог — единственный и неоспоримый авторитет для теологов? При этом для авторов текстов, которые уверены в этом авторитете, существует много проблем, разрешение которых необходимо для достоверного, в их понимании, движения к Божественной истине. И предложения по решению этих проблем множатся, растягиваются на века, вплоть до настоящего времени... Впрочем, ровно такая же проблема “авторитета” существует в литературоведении или в интеллектуальной истории по вопросу о том, правильно ли, полно ли прочитан или вовсе не прочитан текст того или иного автора, особенно если есть варианты текстов и нет авторского указания на то, какой из вариантов правильный (он же последний). Толкование текстов — одна сторона проблемы. Но текст имеет автора, и его слово, вообще-то, и есть авторитет. Именно эта проблема составляет одну из предметных областей такой “точной” гуманитарной науки, как текстология.

3.”Наука не предполагает личностного отношения к предмету исследования...”. Утверждение это полностью противоречит вышесказанному о герменевтических практиках и интерпретациях гуманитарных текстов. Но с работами М. Полани, который с конца 50-х годов занялся также вопросами теологии, концепция “неявного знания”, или “личностного знания”, обрела статус авторитетного метода в практиках не только гуманитарных, но и естественнонаучных исследований. Эти идеи в 70-х годах и позднее разрабатываются в социологии конструктивизма Б. Латуром, его коллегами и последователями.

Но, как бы то ни было, мы видим, что утверждение о “ненаучности” гуманитарных дисциплин по-прежнему актуально. Особенно для тех, у кого критерий научности застрял в классике позитивистской методологии естествознания XIX века.

Междисциплинарность возникла вместе с философией, которая явилась не как дисциплинарное знание, а как *стремление* к знанию, как самопорождение разных интересов, формулирование вопросов, поиск человеком средств для ответов на них. В реплике Ларисы Павловны была концептуализирована современная, ориентированная в будущее социо-био-инфо-гуманитаристика, центрированная на человеке в трансдисциплинарной перспективе. Занимаясь изучением прошлого, я постоянно убеждаюсь в эвристической силе гуманитарной ретроспекции. Философия междисциплинарна не только по своему происхождению, но и по разнообразию познавательных интересов человека, которые она способна воплотить. Мы здесь продолжаем проект “Анатомия философии: как работает текст”³, а потому остановлюсь подробнее на этом вопросе. В философии, при всем многообразии ее школ и направлений, от Античности до эпохи модерна, наработано ядро классических текстов. Все дальнейшее — отрицания, отпадения, “вечное возвращение”,

³ Подробнее о проекте см.: Человек. 2018. № 5. С. 69–70.

отказы, конструкции, деконструкции и прочее — это *отношение* к классическому наследию.

В чем же классичность классики? “Классик”, философствуя обо *всем мире*, убеждает своим философствованием себя, а со времени Сократа — и других, что то, что он делает, *жизненно необходимо всякому человеку*.

Природа этой необходимости различна. В платоновско-аристотелевской античности она кроется в связке эйдосов и вещей, которую не обнаружить, минуя человека. Эллинизм утопил эти связи в скепсисе, цинично отстранился от эйдосов и вещей, замкнул пространства в себе или пытался отыскать их в очень небольшом сообществе единомышленников в эпикурейских Садах... Чтобы узреть (или, напротив, принципиально отказаться видеть) *связь* познающего человека с миром вещей, нужен *любитель* мудрости. Философ. Но каким образом можно удостоверить эту связь? Например, в умении души припоминать знания, которые она когда-то получила, пребывая среди эйдосов, как думал Платон. Или благодаря человеческой природе, позволяющей через самодетельность ума выявлять формы (эйдосы) предметного мира, его причины и начала. Космос наполнен разнообразием вещей, потому Аристотель, помимо Первой философии, рассуждает также о душе и о природе, о политике и о поэтике, о животных и о растениях, о риторике и об этике. Здесь можно увидеть исток междисциплинарности. Аристотель считает, что человек стремится к знаниям не только из интереса, но и потому, что они *полезны*.

Христианство античную классику обращает к Слову Бога. Философ, обретая веру, прочно соединяет себя с текстом Священного Писания. В этом тексте мир творится Богом и понимается Его Словом. А потому классика христианской теологии создает новый способ, надежно подвигающий “думающего верующего” к Божественным истинам, которые обретаются толкованием текстов (герменевтикой). Аристотель для схоластов остается “Философом метода” — проводником античной классики в текстовое пространство христианской культуры. У мыслящего и верующего человека этой культуры направленность к знанию есть движение к Богу, Создателю мира через стремление понять все разнообразие вещей мира и тех средств, какие даны человеку, чтобы осуществить это стремление. Надежный метод — чтение и толкование Священного Писания, результат — создание человеком текстов о Священном Тексте.

Но все возвращается. Синтез античной классики и христианской герменевтики породил классику европейского Возрождения. Аристотелевский мимесис, обогащенный христианской идеей творения, можно распознать в по-новому понятой классической идее “подражания Творцу”. Так в ренессансной философии начала вызревать гуманистическая идея: Я (человек) = мастер, творец, создатель того, что Бог вменил мне как свободному и самодетельному существу. Человек САМ созда-

ет себя по Слову Бога. Эта новая позиция человека в мире сделала возможной, в том числе, и критику текста — я имею в виду здесь текст Священного Писания, хотя уже Абельяр, а до него и Боэций, и Августин, задавали этому Тексту сложные вопросы.

Европейская средневековая культура, как светская, так и церковная, существовала в огромном море текстовых документов. Остановимся чуть подробнее на известном тексте Лоренцо Валла, ренессансного гуманиста, эпикурейца по своим философским пристрастиям, риторика, знавшего Квинтилиана почти наизусть.

“*Рассуждение о подложности так называемой Дарственной грамоты Императора Константина*” было написано в Неаполе, где Валла служил секретарем короля Альфонсо Арагонского. Поводом стал вопрос о притязании римских пап на сюзеренитет над Неаполитанским королевством. Интересно, что первое издание этого текста было выполнено немецким гуманистом Ульрихом фон Гуттенем в 1517 году — в том же году, когда М. Лютер выступил со своими критическими тезисами в адрес папского Рима.

Валла доказал, что грамота была сфабрикована около середины VIII века, с тем чтобы обосновать притязания пап на верховенство над светскими властями европейских государств.

Как Валла анализировал текст, который для него одновременно был и “правовым документом”, и источником знания о событии?

Критик текста шел одновременно несколькими путями. *Во-первых*, он не обнаружил свидетельств о событии в исторических документах эпохи императора Константина (первая четверть IV в.). *Во-вторых*, он не нашел нумизматических подтверждений такому значительному событию. *В-третьих*, он полагал невозможным, так сказать, с психологической точки зрения (“лично-стно”) допустить отказ императора от части своих владений, ибо это умалило бы его величие и власть. *В-четвертых*, он нашел доказательства того, что сама процедура дарения была бы юридически несостоятельна. *В-пятых*, он счел для папы невозможным в силу действия норм христианской морали принять Константинов дар, так как за ним стоят материальные богатства, а потому папа обязан был бы отказаться от дара, даже если бы тот был предложен.

Как видим, Валла разбирает текст документа как филолог, историк, юрист, в современном дисциплинарном смысле этих слов. Он также включает в аргументацию ссылку на моральные нормы христианина. Он знаток латыни времени Константина и указывает встречающиеся в языке документа варваризмы, характерные для VIII в. Гуманитарное знание середины XV в. вырабатывает методы и навыки анализа текстов, связывая их с интересами и делами людей и при этом не разрывая пространства христианского культурного контекста.

Эпоха модерна поставила перед философией новую проблему. Еще Дж. Вико в своей книге “Основания новой науки об общей природе наций” [5] произнес завораживающие слова о философии как о *новой науке* и работал в поле междисциплинарности, хотя, разумеется, не пользовался этим термином. Немецкая философская классика занялась этой задачей вплотную. Гегелевское решение задачи — “Энциклопедия философских наук”. Его система — по сути, первый проработанный на собственных основаниях междисциплинарный проект, включивший в себя *всю полноту знания* своего времени — знание как гуманитарное, так и естественнонаучное.

Однако обозначившееся в эпоху немецкой классики единство наук немедленно перешло в свою противоположность — в бурный процесс дифференциации знаний, обретения разнообразной и новой дисциплинарности в формирующихся науках, чему способствовала методология и философия позитивизма. Именно середина XIX века стала временем появления историко-филологических факультетов в университетах, кафедр истории, филологии, языкознания, этнографии и других. История как дисциплина создала внутридисциплинарные правила критики документа. Филология занялась жанровым, стилистическим и т.п. анализом авторских текстов национальных литератур на национальных языках; появились дисциплины, изучающие древности — античные, восточные, фольклор разных народов как отдельные памятники конкретных культур. Институционализировались археология, антропология... В этой ситуации философия осталась “сама с собой”, сменив белые одежды прекрасной дамы (Бозций “Утешение философией”) на старое потрепанное платье короля Лира, раздавшего свои земли дочерям.

Однако кризис позитивистской гуманитарной программы не заставил себя ждать. Нарботанный материал вскоре потребовал обобщений и если не выявления законосообразностей, то, по крайней мере, методологических рефлексий. И вот уже к концу XIX в. историки задаются вопросами относительно оснований своей науки: что есть исторический факт, что можно или нельзя считать историческим документом, каковы критерии достоверности исторических реконструкций. В начале XX в. появляются новые научные направления в лингвистике, разрабатываются формальные методы в литературоведении. Следствием стали новые пути к интеграции, появление в гуманитарных науках “дисциплинарных синтезов”. Близкие дисциплины как бы смыкались, расширяя свои предметные поля (социальная психология, этнопсихология, антропология, история культуры, история религии и др.). Философия снова нашла свое место, но иначе, чем в классике; теперь это своего рода инвариантные школы и направления со своими обозначениями предметности и методологическими штудиями.

Таким образом, мы можем говорить о различиях/сходствах между процессами интеграции—дифференциации гуманитарно-

го знания столетней и более давности и теми же процессами, отражающимися в современной междисциплинарной гуманитаристике, не потеряв при этом центральной фигуры этого знания — человека в его самых разных понятийных и образных концептуализациях.

Л. Киященко: *Процессуальность* интеграции-дифференциации в пространстве и времени, о чем говорила Марина Сергеевна, можно рассматривать как основу меж- и трансдисциплинарного подходов. Потоки интеграции и дифференциации могут быть помечены временем истории и представлять нам как сменяющие друг друга, если обращать преимущественное внимание на тот или иной из них. Например, медленное, “ползучее” время Средневековья исподволь готовит скачки кардинальных изменений в жизни общества; Новейшее же время — время реальных космических скоростей и глобальных социальных катаклизмов, замечаемых на фоне существующих обобщенных представлений о нем.

Контроверза между интеграцией и обменом отдифференцированными результатами человеческой деятельности “разрешается” в меж- и трансдисциплинарном коммуникативном взаимодействии. Оно содержит необходимый “связующий материал” — такой как общение, — который выходит за ограничительные рамки информационных каналов дисциплинарного знания. С трансдисциплинарной точки зрения уже упоминавшаяся *гуманитаристика* как раз и представляет собой интегрирующе-дифференцирующее начало. Как мне представляется, трансдисциплинарность исполняет свою миссию, в том числе и в судьбе каждого из нас, будь ты филолог, естествовед, философ, и в жизни общества. Основным действующим лицом общения является становящаяся личность сама по себе, а не человек как представитель “среднеарифметической” группы. Она центрирует собой пространство и обозначает собой (своим именем) время, но которой приходится “смириться до персональной ответственности и участности” (М. Бахтин).

М. Киселева: Все дело в том, что, наблюдая и описывая человека в *сегодняшней среде общения*, мы не можем не отметить очень своеобразную конфигурацию целостности, осуществляющей себя, чем дальше, тем больше, в виртуальном пространстве. Вы, наверное, видели в интернете маленький ролик, где в огромной толпе каждый человек замкнут на свой смартфон, и даже с тем, кто идет рядом с ним, общается через экран. Вся эта толпа “личностей”, уткнувшихся в свои гаджеты, движется к бездне, не видя ожидающей их катастрофы. И вот люди в первых рядах уже катятся в пропасть...

Вопрос перед современной интегрированной, трансдисциплинарной гуманитарностью стоит очень жестко. Готова ли она принять как должное тот факт, что современный человек готов интегрироваться с “машиной” и менее всего готов критически, “дифференцированно” подходить к среде своего оби-

тания и “дифференцировать” себя от средств пользования, находящихся в его распоряжении? Что он — человек массового “технизированного” сообщества, который — позаимствуем давнее понятие, взятое Марксом у Гегеля, — *отчуждает* собственную сущность, сливаясь с завладевшими им высокотехнологичными средствами? Или же современная гуманитаристика, выявляя риски такой траектории, считает необходимым направить свои междисциплинарные усилия на разумное “разведение” человека и “машины”, чтобы сохранить в человеке способность отслеживать свой путь: определять перспективы, “оглядываться” и по сторонам, и назад — в ту самую “ретроспективу”, которой заняты гуманитарные науки, осмысливающие человеческое бытие?

Отдельный вопрос: способна ли философская мысль сегодня работать не только на “утешение”, как понимал роль философии Боэций в эпоху краха Римской империи, не на “провокацию”, как в недавних блестящих деконструкциях постмодерна, а на “предупреждение”, “поиск” и осознанный “выбор”, влекущий за собой ответственное “дело-действие” (Г. Фихте) по сохранению человека, его способности к мирной социальной жизни, к разумной креативности и продолжению человеческого рода. Выбор и поддержка гуманитарных междисциплинарных проектов, на мой взгляд, должны быть ориентированы именно в этом направлении.

Вопрос из зала: Можно ли резюмировать, в чем отличие дисциплинарных от междисциплинарных исследований в гуманитарном знании?

М. Киселева: Спасибо за вопрос. Уточню, я все же предпочитаю говорить о *стратегии междисциплинарности*, различая дисциплинарные исследования и создание пространств (не предметов исследования) междисциплинарной проективности.

Дисциплины всегда предметно определены, исследования имеют своим результатом создание этой предметности по мере разрешения всякой новой исследовательской задачи. Тем самым предметное поле данной дисциплины расширяется, умножаются ее исследовательские методы.

Междисциплинарная проективность строится иначе. Она являет собой особый род, как это верно отметила Лариса Павловна, коммуникативной практики. Это *деятельностные стратегии* заинтересованных участников или одного ученого, обращающегося к разным предметным областям, для создания нового проективного междисциплинарного поля, открывающего науке о человеке новые перспективы (см. подробнее: [7, 8]). Гуманитаристика как область смыслов, порождаемых человеком, не может обойтись без текстов, как в том, так и в другом случае. Философствование расширяет междисциплинарные поля и находит новые перспективы для человека, создавая “гипертексты”. Дисциплинарные гуманитарные исследования осваивают миры как тексты разных времен и разных пространств. Однако гипер-

текст будет пуст, если не сможет связывать то, что дисциплинарно прорабатывается в гуманитарных науках.

Вопрос из зала: В чем полезность современной философии для общества?

Л. Киященко: Современная философия разнообразна в своих интересах, школах и направлениях. Мы говорили сегодня об одном таком направлении, соединяющем философию с разными науками. Мы сошлись в том, что в философии сегодня можно увидеть актуальную для нее интенцию: интерес к самодетельной личности, человеку как стержню меж/трансдисциплинарности. Философия инициирует размышление человека в обращении к себе, в продумывании собственных действий, в осмыслении мира, в коммуникации с другими, всякий раз находит проблему — и процесс продолжается. Таким способом человек сохраняет себя как самостоятельно мыслящий, самостоятельно действующий и ответственный участник процессов, творящий интегрированное гуманитарное пространство. Так создается эта площадка жизни-мысли-дела для реализации интереса, заботы и взаимной ответственности людей.

М. Киселева: Дополню. Актуальной остается проблема связи времен. Верный путь человека к себе и к другим — тексты, сохранившие мысли и чувства людей, читая и понимая которые люди обретают прочную основу для обмена смыслами. На этом пути рождаются важнейшие ориентиры и потребности людей друг в друге: *непосредственные* — в совместной деятельности и коммуникации (личной дружбе и любви; в социальных гуманитарно-ориентированных практиках помощи; в волонтерских движениях, в социальных и культурных акциях и т.п.) и *опосредованные* произведениями искусства и философии, сакральными текстами, научными открытиями, техническими изобретениями и другими опытами творчества. Философия, инициирующая как дифференциацию, так и интеграцию разных областей когнитивной креативности человека, поддерживает своей двух с половиной тысячелетней традицией междисциплинарную проективность современного научного знания. Философствуя, человек — вспомним Бахтина — *самоопределяется* и, таким образом, участвует в едином гуманитарном пространстве жизненного мира. В этом и можно видеть пользу философии.

Литература

1. *Аршинов В.А.* Синергетика встречается со сложностью. URL: <http://spkurdymov.ru/philosophy/sinergetika-vstrechaetsya-so-slozhnostyu/> (дата обращения: 11.10.2017).
2. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979.
3. *Бевзенко Л.Д.* Предисловие // Человек в сложном мире. Сумы. М.: Университетская книга, 2017. С. 7–16.
4. *Валицкая А.П.* Гуманитаристика и гуманитарное знание: к концепции модернизации высшего образования // Вестник Герценовского университета. 2009. № 11 (73). С. 3–6.

5. Вико Дж. Основания новой науки об общей природе наций. М.; Киев: REFL-book-HCA, 1994.
6. Демидова О.Р. Гуманитаристика, гуманитарное знание, гуманитарные науки. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gumanitaristika-gumanitar-poe-znanie-gumanitarnye-nauki> (дата обращения: 11.10.2017).
7. Киселева М.С. Проблема междисциплинарности в контексте реформ российской науки. Материалы круглого стола // *Философия науки и техники*. 2016. Т. 21. № 1. С. 25–27.
8. Киселева М.С. Гуманитарные исследования и проективность: дисциплинарные и междисциплинарные стратегии знания // *Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки*. 2016. Т. 158. Кн. 4. С. 1163–1172.
9. Киященко Л.П. Биологос: динамика хронотопа // *В пространстве биологоса*. СПб.: Мирь, 2011. С. 56–90.
10. Конев В.А. Дантовы координаты (проблема определения ценностного бытия). URL: <http://vestnik-samgu.samsu.ru/gum/1995webSI/phyl/1995SI0501.html> (дата обращения: 11.10.2017).
11. Конев В.А. Философия культуры и парадигмы философского мышления // Конев В.А. *Онтология культуры (Избранные работы)*. Самара: Самарский университет, 1995.
12. Мерло-Понти М. В защиту философии. М.: Издательство гуманитарной литературы, 1996.
13. Мерло-Понти М. Человек и его заключения // Мерло-Понти М. *Знаки*. М.: Искусство, 2001. С. 258–279.
14. Неклюдов С.Ю. Гуманитарное знание и народная традиция. Лекция на Полит.ру 18.10.2007. URL: <http://polit.ru/article/2008/01/17/folklor/> (дата обращения: 11.10.2017).
15. Панчин Ю.В. Отзыв на автореферат и диссертацию Хондзинского Павла Владимировича “Разрешение проблем русского богословия XVIII века в синтезе Святителя Филарета, Митрополита Московского”, представленную на соискание уч. степени кандидата философских наук, специальность 26.00.01 — “Теология”. URL: http://www.doctorantura.ru/images/pdf/2017/2017_khondzinsky_report_panchin.pdf (дата обращения: 11.10.2–17).
16. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. Пер. с англ. Ю.А. Данилова. Изд. 2-е. М.: Эдиториал УРСС, 2000.
17. Трансдисциплинарность в философии и науке. Материалы круглого стола // *Человек*. 2016. № 5. С.5–19.
18. Хабермас Ю. Будущее человеческой природы. На пути к либеральной эвгенике? М.: Весь Мир, 2002.
19. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. М.: Наука. 2000.
20. Шольц Р., Бажанов В. (ред.). Трансдисциплинарность в философии и науке: Подходы. Проблемы. Перспективы. М.: Навигатор, 2015.